

НА ГОСУДАРЕВОЙ ДОРОГЕ

Дмитровск... Иногда этот районный центр Орловщины называют столицей лесного края. Может быть, звучит такое определение немного высокопарно, но, наверное, в лесном краю и столица должна быть особой - нешумной, старомодной что ли...

Городок возникает среди перелесков вдруг, неожиданно, на очередном повороте шоссе. И, кажется, если не сбрасывать скорость, исчезнет он из виду уже минут через пять-семь. Старая дорога... На картах XVII века здесь сплошные леса - огромное пространство к северу и востоку от древнего Новгород-Северска. Путь из Москвы на Украину пролегал среди чащоб и завалов. Для путешественников это было весьма неудобно, а для тех, кто оборонял этот край от татарских набегов, от польских войск, - прекрасная защита.

Вечные войны, власть то одной державы, то другой сформировали здесь, в бывшей Комарицкой волости, совершенно особый тип людей. Бесшабашные, удалые... Даже, наверное, чересчур смелые - к примеру, с точки зрения властей предержажших. Не буду пересказывать историй о походах Самозванца или о войне Ивана Болотникова - Комарицкая волость здесь отмечена особой страницей. Один из московских патриархов называл местных жителей и вовсе пропащими людьми, которые отвернулись от бога и не могут рассчитывать на прощение.

СТРЕЛЬЦЫ, ДРУГУНЫ, БУНТАРИ...

Надо же было так совпасть географии с историей, что пролегла здесь большая дорога. Кто путешествовал здесь в далекие страны, кто грабил проезжих... Царевна Софья решила разрубить старый клубок проблем одним

махом. Когда стрелецкие полки, бунтовавшие до этого в Москве, а после воевавшие с турками на юге, уже возвращались домой, в Севск было послано секретное предписание: "Как придет в Севск полк, то, взяв у полковника ведомость, призвать к себе того полку добрых людей и, обнадежа их государевой милостью, спросить у них, которы в том полку стрельцы за прежние шатости негодны и от кого впредь чаять дурна... И про кого они скажут, написать их на роспись и по той росписи тех стрельцов ставить в Севску, а сказать, что им быть в Севску на время, до указа, а потом отпустить их в Москву".

Как ни славят у нас сегодня монаршую власть, а приходится признать, что цари иной раз и обманывали своих подданных. Ведь в те же дни семьи стрельцов были высланы из Москвы. Да чтоб не встретились они с войском в пути, везли в подводах по другой дороге. И по приезде жен и детей в Севск объявили бунташным стрельцам окончательное решение: жить им в Севском крае вечно! Вскоре из Москвы в Севский край было выслано еще четыре с половиной тысячи стрельцов с семьями.

Говоря языком недавних времен, лишили служивых московской прописки и выселили на сто первый километр. Затея царевны Софьи увенчалась успехом: и в Москве стало потише, поспокойнее, и в Комарицкой волости, на границе, окрепла оборона.

Впрочем, она крепла и дальше. В пору противостояния с Польшей и Турцией буквально все деревни в округе превратились в полувоенные поселения. Вот примеры из записей в документах начала XVIII века: село Морево - 118 дворов драгунских, село Кричино - все жители драгуны, деревня Бычки - 50 дворов солдатских и так далее, и так далее. А еще нескончаемые потоки войск, марширующих по дороге в жару и в стужу.

МИРНЫЕ ВРЕМЕНА

Как ни удивительно, но войска и разбойный люд прекрасно уживались друг с другом. Во всяком случае, шайки с легкостью уходили схорониться в лесные дебри. Священник Иван Лукьянов, путешествовавший в петровские времена к югу и назвавший орлян миленькими людьми, был просто в шоке от дальнейшей дороги. Он даже записал: "По дороге от Кром до Севска вельми воровато, злодеи у нас коней постановили и я много греха принял".

Впрочем, народ тоже устал от разбоя, от войск, подобных саранче. Крестьяне уходили с большой дороги, поселялись на несколько верст в сторону. А объясняли это так: "Воинские люди ходят на службу зимой и летом, и от того чинится нам большое разоренье".

Но миновала смутная пора, границы отодвинулись дальше, леса поредели и стало спокойнее на старом тракте, он уже не отталкивал от себя местный люд. Весь восемнадцатый век прошел под знаком благоустройства.

Дорога была подобна широкой реке. Здесь можно было встретить не только одиноких путешественников, но и целые пехотные полки, а то и вереницы повозок, сопровождавших важных персон - будь то русская императрица или австрийский император, фельдмаршал или патриарх. В старину большие дороги традиционно делались "двухрядными": один ряд (посередине) для курьерской гоньбы, другой (по обочине) - для обозов и прогона скота.

Немудрено, что оживились ремесла - путешественникам всегда могли понадобиться то телега, то колесо, то упряжь. А посевы овса - на корм лошадям - были здесь куда обширнее, чем где-нибудь в глуши. Для встречи и прокормления знатных процессий приходилось местным крестьянам по высокому приказу срочно чинить мосты (а делали их, на удивление, без единого гвоздя) и заготовливать продовольствие. Например, для турецкого посольства в

1740 году припасли, в числе других продуктов, три пуда меда и одиннадцать пудов лука, а для лошадей и верблюдов - 150 возов сена. Четыре года спустя, для императрицы Елизаветы было приготовлено бесчисленное множество всякой рыбы и целых три тысячи(!) раков.

Щедро встречал край гостей! Да только самим хозяевам несладко приходилось. Не случайно однодворцы Кромского уезда (тогда Дмитровского уезда еще не существовало) обращались в марте 1767 года в Петербург с наказом в Уложенную комиссию:

"Прошлого 1744 года... по большому Киевскому тракту через реки и болотные места построены мосты... По тому же тракту большая дорога сделана шириною по 60 сажен, в которую из прочих сел и деревень... отошло распашной земли, сенных покосов и из запущенных лесков немалое число. И ту дорогу поправляют и окапывают рвами.

Для проезжающих по тому тракту разных генералитетов и турецких посланников собираются с них подводы. И пока оные приедут, они с лошадьми на станциях без отпуску держатся недели по две и по три, по месяцу и больше, по большей части в рабочие времена... Отчего они против других городов и уездов, кои от больших дорог в стороне, несут крайнее отягощение и пришли в изнеможение..."

Впрочем, высшей власти не было особого дела до "изнеможения" местных обитателей. Наоборот, именно на их плечи все больше и больше ложилась вечная забота по поддержанию в порядке и удобстве для путешественников одной из самых главных в России дорог. В августе 1780 года, накануне осенней распутицы, генерал-губернатор князь Репнин выдал целый трактат на тему об устройстве больших дорог. Наместнику важно было, говоря современным языком, закрепить участки (дистанции) за конкретными селениями, организовать

уход за ними, посадить деревья. Генерал и тут расписал все со скрупулезной точностью: ветла и береза из всех других пород устроили его больше всего.

Не преминул Репнин и подчеркнуть: "Нужным еще почитаю приметить, чтобы в низких, болотных и грязных местах, где однако ж текучих вод нет, не строили мостов, дабы чрез то не истреблять лесов, в коих и без того уже многие из здешних мест имеют недостаток, а делали бы гати из фашииннику, посыпая оный землю и где есть песком, что несравненно лучше мостов, прочнее и покойнее будет".

Не зря так вникал губернатор Репнин в обустройство дорог. Ведь образ этой местности был образом всей России для проезжавших мимо иноземцев или петербургских сановников. Один путешественник, бывавший здесь, писал: "Ты мог бы видеть у них в конце лета подобие весны. Поле спелой ржи, поле зеленой пшеницы, еще большее поле белых цветов, поле синих, поле желтых и иных - услада для взоров".

ДМИТРИЙ КАНТЕМИР

По преданию, в одном из дмитровских храмов хранилась икона Корсунской божьей матери - та самая, которой Петр Великий в 1711 году благословил переход Дмитрия Кантемира в русское подданство.

Что привело молдавского господаря в Россию? Сын правителя Молдовы, попавшей под иго Турции, Кантемир уже в молодые годы стал образованнейшим человеком. Его жизнь в Константинополе, в качестве заложника (чтобы отец, не дай Бог, не изменил паше) достойна хорошего романа. Кантемир, перечитав множество книг (а он знал десятков языков), пришел к окончательному выводу: Турецкая империя с ее деспотизмом обречена на крах. И исходя из этого он действовал, встав во главе молдавского народа, - спустя несколько месяцев

Кантемир уже составил проект тайного договора с Россией. По нему Молдова в Российской империи сохраняла свою независимость и освобождалась от дани.

Увы, Кантемир не понял, что он был всего лишь пешкой в большой игре. Большая политика вовсе не диктовала России нужды именно в тот период вести масштабную войну с Турцией, были проблемы и поважнее. К тому же Россия оказалась слишком ослаблена войной со Швецией, чтобы продолжать кровопролитие из-за маленького княжества Кантемира.

Так Кантемир, выступив против турок, был вынужден покинуть родину и стать изгнанником. И село Дмитровка, основанное Кантемиром (позднее оно станет городом Дмитровском) - было своеобразным прибежищем эмигрантов: пришедших вместе с господарем воинов-валлахов. Напоминают об этом сегодня только старинный парк и церковь. А были когда-то и мельница на реке, и постройки усадьбы. Впрочем, искать в современном Дмитровске следы молдаван, пришедших сюда вместе с Кантемиром, - занятие почти безнадежное. Да и не так много их было: в одной из записей 1725 года упоминаются всего двадцать семей, как тогда говорили, с Волоховья и восемьдесят черкасских дворов. Сегодня порой делают акцент на том, что Петр даровал эти земли Кантемиру и его семье. На самом деле, земли были не дарованы, а переданы по тому же самому договору между Россией и Молдовой, где князю гарантировались земельные владения в России в случае неудачи.

На требования турок о выдаче Кантемира Петр ответил: "Я дал слово уберечь его и не изменю, лучше уступлю землю туркам до Курска. Мне останется еще надежда возратить ее. У нас нет ничего собственного, кроме чести, потерять ее - значит перестать быть государем".

Оказавшись в России, Кантемир много работает над своими книгами, путешествует. Это был и историк, и философ, и математик. Как вспоминал один из его современников, он был среднего роста, сложен удивительно стройно,

прекрасен собою... Был учтив и ласков, разговор его вежлив и свободен... Кантемир написал несколько книг с размышлениями и судьбах Оттоманской империи, о судьбах монархий вообще: "Хроника стародавности романо-молдовалахов", "Историческое, географическое и политическое описание Молдавии", "История образования и падения Оттоманской империи". Он пытался понять, почему приходит время возвышения каких-то народов и царствующих династий и почему приходит время заката. Он был пусть маленький, но князь, и загадка власти была, наверное, самой таинственной для него.

А судьба... Спустя два года после переселения в Россию умерла жена. И ему самому было отпущено богом еще только десять лет. В одном из походов Кантемир заболел, и его привезли из Астрахани в Дмитровку. Здесь он и умер, а похоронен был в Москве. В тридцатые годы нашего века останки князя передали Румынии по просьбе ее правительства. Теперь его прах покоится в древней столице Молдовы в Яссах, в храме Трех Святителей. В том самом великолепном храме, который Дмитрий Кантемир помнил с самого детства и где он с триумфом встречал Петра Великого и его жену Екатерину...

Род Кантемиров пресекся еще в XVIII веке. О нем напоминают теперь (по-своему, конечно) Кантемировская улица и станция метро в Москве. Откуда эти названия? Связаны ли как-то именно с Дмитрием Кантемиром? История такова: сын Кантемира Константин, командовавший слободскими полками Украины, основал поселение на юге Воронежской губернии. Здесь, у железнодорожной станции Кантемировка, в годы Великой Отечественной войны героически сражалась танковая бригада, ставшая впоследствии гвардейской Кантемировской дивизией. В честь воинского соединения - название и улицы, и станции метро.

"ВЛАДЕЛЕЦ ГОРОДА" КНЯЗЬ БЕЗБОРОДКО

Еще Дмитрий Кантемир рассчитывал на развитие торговли и ремесел в своем селе. Но только при Екатерине II Дмитровка получила подобающий статус. Императрица учредила здесь город 25 июня 1782 года, подчеркнув его выгодное положение. И в самом деле - на большой дороге из Кром в Севск, а в широком масштабе - из Москвы в Малороссию... Правда, пришлось решить весьма непростой вопрос о компенсации крупным владельцам недвижимости в бывшем селе князьям братьям Трубецким. Екатерина уже в августе 1782 года поручила своему наместнику князю Прозоровскому выплатить братьям из казначейства 40 тысяч рублей в обмен на их владения в Дмитровке: мельницы, лавки, прочие строения и лавки. Князьям же оставались по-прежнему владельцами своих господских дворов и садов. С изрядной доли волокиты эта крупная сделка князей с казной все-таки состоялась...

Екатерина утвердила также план застройки Дмитровска и дала ряд льгот тем горожанам и крестьянам, кто хотел заняться купеческим делом. В те годы землемер, составлявший подробное описание, перечислял: "Главным промыслом дмитровских купцов и мещан состоит торговля мелочным товаром, хлебом, пенькою, конопляным маслом, воском, медом и разными деревянными поделками. Уездное крестьянство по большей части упражняется хлебопашеством, а некоторые бьют масло, закупают пеньку, мед, воск, щетину и разные хлеба и продают в городе Дмитровске, а иные, бывает, выезжают в иные города".

Не будем идеализировать то время. И из пушек в восставших крестьян палило войско, и от нищеты, болезней вымирали целые семьи. Но жизнь продолжалась. Росла и бывшая Дмитровка, постепенно догоняя древние уездные города.

Правда, случилась на этом пути одна заминка. После смерти Екатерины сумасбродный Павел снова превратил город в село, а владения здешние подарил князю Безбородко - вместе с другими наградами, такими, как свой, императорский, портрет и осыпанный бриллиантами крест Св.Иоанна Иерусалимского, а также тридцать тысяч десятин земли и шесть тысяч душ крестьян в Воронежской губернии.

Князь Александр Андреевич был в то время российским канцлером, а прежде фактическим правителем Коллегии иностранных дел - им было заключено несчетное количество договоров с разными государствами. Он, сын малороссийского генерального судьи, в молодые годы учился в Киевской академии, заведовал делами полководца Румянцева, а позднее сделал стремительную карьеру, в двадцать девять лет получив должность чиновника для принятия прошений на имя Екатерины II.

Кстати, на этом посту до него был хорошо известный нам Г.Н.Теплов, но Безбородко, похоже, затмил своего предшественника. Дело было еще до назначения Безбородко на эту должность. Екатерина поручила ему составить некий указ, но будущий канцлер запомнил о том, а когда вспомнил, не оставалось ничего другого, как взять чистый лист бумаги и с важным видом "прочитать" несуществующий рескрипт. Екатерина, не подозревая подвоха, вполне одобрила текст и попросила дать ей документ на подпись. Каково же было удивление императрицы, когда она увидела белоснежно чистый лист бумаги! Безбородко тут же получил новую должность...

"Неуклюжий, неповоротливый, с умом гибким, проницательным, всеобъемлющим, с памятью необыкновенной", - таков отзыв о Безбородко одного из его современников. "В теле толстом скрывал Безбородко ум тончайший", - писал о нем Сегюр.

О Безбородко ходили разные анекдоты. Будто бы однажды пришли к нему спросить, можно ли пропустить иностранные газеты, где, между прочим, было выражение "Проснись, Павел" (касавшееся русского императора).

- Пусть пишут, - вздохнул Безбородко, - уже так проснулся, что и нам никому спать не дает.

И еще одна история. Безбородко всегда привечал земляков-малороссиян, которые приходили к нему за помощью. Однажды, когда он писал в пользу какого-то просителя письмо, его гость от безделья ловил назойливых мух. Удар - и разлетелась вдребезги дорогая ваза.

Безбородко, не переставая писать, только спросил:

- Ну что, поймал?

В Дмитровске, на месте прежней усадьбы, князь начал строить великолепный дом. Возможно, Безбородко оставил бы и еще какие-то следы в местной истории. Но он умер, смерть настигла и Павла. А Дмитровск, вернув свое положение города и уездного центра, вступил в новую эпоху своего развития. Как раз в 1810 году здесь побывал проездом литератор князь Иван Михайлович Долгорукий.

В путевых записках путешественника мы находим описание и большого сада, и дома Безбородко:

"Он расположен великолепнейшим образом: нижний этаж каменный, а верхний деревянный; по обе стороны колоннада с крыльцами; на концах ее два флигеля... Внутри дом прибран просто, но со вкусом: все комнаты расписаны, все окошки убраны самыми лучшими ситцами, эстампы отборные, паникадилы новых рисунков, зеркала чистой самой воды и дорогой меры: словом, дом такой везде был бы прекрасным, а в Дмитриевске (так почему-то называл город автор. - А.К.) это дворец".

Любопытна ремарка Долгорукого о том, что в Дмитровске крайне мало почтовых лошадей для проезжающих. И для всякого попавшего в этот город встает выбор: либо ждать неизвестно сколько, либо обратиться к управляющему именем Безбородко за помощью. Долгорукий восклицает: "Без снисходительного графского приказа невыгодно ездить на Дмитриевск по почте".

ПРОВИНЦИАЛЫ

Умиротворенная картина уездного городка, которую рисует Долгорукий: огромный барский дом, великолепный парк... А у почтовой станции выглядывают на дорогу путешественники, потерявшие всякую надежду... Откуда им было знать, например, о такой местной достопримечательности, как самодур-городничий! Бывший в ту пору на этой должности Егор Вершинин так любил звонкую монету, что упрятывал в тюрьму и заковывал в кандалы отказывавшихся платить ему мзду дмитровских купцов. По всей видимости, не отставали от своего начальника и другие представители местной власти.

Кажется, война 1812 года по-своему скорректировала ритм провинциальной жизни. И Долгорукий, проезжая через Дмитровск семь лет спустя - в 1817 году, не преминул остановиться здесь. И вот снова его свидетельство:

"По милости городничего (это был уже не Вершинин. - А.К.) нам отведена квартира у купца. Дом каменный, в два этажа, стены расписаны, есть эстампы отменной работы. Хозяин вежлив, и весь вечер мы с ним о разных любопытных предметах здешнего края протолковали... Собор, который при мне еще был в лесах, назад 7 лет, отстроен и очень украшает площадь. Движения больше, чем в Кромах, и здесь можно без скуки дожидаться, пока выкормят лошадей. Дома графа Безбородко был заперт: и он, и сад приходят в ветхость. Наследники,

видно, не возжелали им воспользоваться. Некоторые принадлежности этого дворца сломаны и свезены в другое место. Потомки всегда оставляют в запустении места, кои украшали предки".

Долгорукий был прав, говоря о запустении. Усадьба, оставшаяся без всякого надзора, вскоре сгорела во время пожара. Остался сад, который спустя несколько десятилетий был выкуплен городом у наследников Безбородко. О саде разговор особый. Но все-таки это место развлечений. А еще хотелось бы мне чуть подробнее рассказать о городе вообще.

Екатерина не просто возвела деревню в ранг уездного центра. Она утвердила план застройки города. И будто по мановению ока на месте прежних сельских дворов разбивались площади (их было несколько: парадная, базарная и т.д.), строились здания присутственных мест, торговые ряды, купеческие дома. Льготами и привилегиями и были привлечены в новый город многочисленные представители купеческого сословия.

И хотя даже в середине прошлого века в Дмитровске еще не было ни одной вымощенной улицы, здесь тогда насчитывалось почти столько же жителей, сколько и сейчас (любопытно, что уездный городок по численности населения был всего в четыре или пять раз меньше губернского Орла). В 1838 году в Дмитровске было 5 каменных и 623 деревянных дома, то есть примерно вдвое больше, чем в Кромах или Малоархангельске.

Если вы будете в Дмитровске, то обратите внимание: на самом видном месте в центре города ныне стоит телевизионная вышка. И на ее фоне все вокруг кажется приземленным, мелким. Порой возникает такое чувство, что находишься не в городе, а где-то на полигоне... Это чувство недоумения еще больше одолевает, когда узнаешь - на месте мачты когда-то был величественный храм, придававший городу и цельность и торжественность. Колокольня его не торчала, как вышка, а парила высоко в небе, - когда были построены железные дороги,

увы, обошедшие город стороной, с колокольни можно было видеть, как идут поезда на станции Комаричи, почти в тридцати километрах отсюда.

Храмы... Празднику иконы царя Константина и его матери Елены была посвящена самая большая ярмарка в городе, которую называли "Цари". Эта традиция, по всей вероятности, брала исток еще со времен, когда здесь только поселился Дмитрий Кантемир. Ведь это была особая икона - отца молдавского господаря звали Константином и сына он назвал Константином. Ярмарка в середине прошлого века имела оборот в полторы сотни тысяч рублей - немало, но в несколько раз меньше, чем грандиозные торжища в Карачеве или Ельце.

Была церковь для староверов - ее построил купец Рыблов у себя во дворе. Была церковь в местной тюрьме. И все они, за исключением одной, были разрушены в годы советской власти. Да и единственная ныне в городе, белая с золотом, сохранилась только благодаря тому, что в ней располагалась артель бондарей...

Пока крестьяне были в крепостной зависимости и не уходили на заработки в другие губернии, пока не были проложены железные дороги, значение подобных купеческих центров для земледельческого края было огромно. Дмитровск был известен всей России в первую очередь своей пенькотрепальной промышленностью. Например, в 1875 году здесь насчитывалось 15 пенькотрепальных предприятий и 12 прядилен, на которых работало 354 человека.

Местной диковиной была механическая мельница купчихи Марии Михайловны Труновой (по-уличному "Трунихи"). Паровой двигатель не только делал муку, приводил в движение крупорушку, но и "давал на-гора" конопляное масло. А уж ароматный хлеб, который выпекался в пекарне Трунихи, остался непревзойденным кондитерским шедевром в истории городка.

Ярмарки, мелкие предприятия, каменные здания, торговые ряды, семь городских церквей - вот Дмитровск тех лет. Конечно, купцы прокладывали свой путь в жизни без особых сантиментов. Но подрастали их дети - и состоятельные люди заводили библиотеки, покупали музыкальные инструменты, приглашали учителей. Так понемногу формировался здешний культурный слой, возникала интеллигенция.

Местное население в прошлом веке было всерьез озабочено провинциальным досугом. Один из корреспондентов "Орловского вестника" писал в 1891 году: "Наш город, тихий и спокойный, оживляется только по базарным дням, то есть по пятницам и воскресеньям. В эти дни крестьяне соседних сел и деревень привозят в город для продажи свои произведения. В остальные дни на улицах царствует невозмутимая тишина. Общественных увеселений у нас не существует, нет даже городского сада, непременной принадлежности почти всякого города. О клубе и семейных вечерах наши обыватели и понятия не имеют. Общественным удовольствием в воскресные и праздничные дни служит гулянье по большой улице, более солидные обыватели ограничиваются сидением на лавочках у своих домов".

Наконец, лет сто назад в Дмитровске появился городской клуб, арендовавший несколько комнат в купеческом доме. Публика развлекалась в буфете и за карточным столом. Говаривали даже, что купец Кудрявцев проиграл стадо коров...

Тогда же в Дмитровске появилась публичная библиотека. А для организации досуга в парке дмитровцы создали даже такую диковинную для провинциальной России организацию, как Общество разумных развлечений. Ставили пьесы, но из-за традиционной застенчивости местных барышень женские роли исполняли мужчины (совсем как в традиционном театре Японии или Китая)...

До сих пор в Дмитровске живы предания о том, как не раз приезжал сюда в конце прошлого века известный композитор Василий Калинин и организовывал в городе любительские концерты. В самом деле, в Дмитровске одно время помощником уездного исправника служил отец Калиникова - Сергей Федорович. Его добрым знакомцем вскоре стал Николай Николаевич Ливанов - священник местного храма, того самого, что был построен Дмитрием Кантемиром (а в советское время использовался под бондарный цех). Дочери Ливанова Софье суждено было стать невестой, а затем и женой Василия Калиникова. В Дмитровске Калинин жил подолгу, работал над своими музыкальными произведениями. Дмитровск остался в судьбе композитора необыкновенным, милым сердцу провинциальным городом...

... Игрет музыка в саду, летний вечер в маленьком городке. И все-таки мы не можем надолго остаться здесь. Забирайтесь в кибитку, любезный читатель, и - в путь по старинному Московско-Киевскому тракту. Как ни жаль расставаться с Дмитровском, нам пора отправляться дальше!